

Литвин Юлия Валерьевна

ПРАВА КРЕСТЬЯНКИ НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)

На основе законодательных актов, норм обычного права, дореволюционных газетных и журнальных публикаций, а также делопроизводственных материалов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Карелия, анализируется семейное положение карельской крестьянки Олонецкой губернии второй половины XIX - начала XX вв. В центре внимания - реализация права женщины на свободу передвижения, а также связанные с ней конфликты, протекавшие в атмосфере социальных трансформаций второй половины XIX - начала XX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 96-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

“YOUTH ASSOCIATION” TERM EVOLUTION IN NORMATIVE-LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**Anna Mikhailovna Lagutkina***Department of Political Science**Astrakhan' State University**inspire2@rambler.ru*

The article is devoted to the analysis of the normative-legal acts containing the notion “youth” operating in the Russian Federation at present with the purpose of determining the term “youth public association” and also the criteria differentiating youth public associations from children’s and adults’ ones.

Key words and phrases: youth; public association; youth public association; juvenology; state support of youth and children’s public associations.

УДК 347.2(093)(470.22)

На основе законодательных актов, норм обычного права, дореволюционных газетных и журнальных публикаций, а также делопроизводственных материалов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Карелия, анализируется семейное положение карельской крестьянки Олонецкой губернии второй половины XIX – начала XX вв. В центре внимания – реализация права женщины на свободу передвижения, а также связанные с ней конфликты, протекавшие в атмосфере социальных трансформаций второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова и фразы: история Карелии XIX – начала XX вв.; женская история; личные права крестьянки; обычное право; межличностные конфликты.

Юлия Валерьевна Литвин*Сектор этнологии**Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**litvinjulia@yandex.ru***ПРАВА КРЕСТЬЯНКИ НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)©**

Гендерные исследования заняли прочную нишу в области гуманитарных наук. «Открытие» гендера позволило взглянуть на привычные категории анализа под новым ракурсом, обогатить терминологию, предложить новые методологические подходы. Реконструкция правового положения женщины является важным элементом для понимания ее места и роли в рамках семьи, в глазах общества и государства. В данной статье мы анализируем законодательные акты и традиционные нормы в отношении личных прав крестьянской женщины на свободу передвижения, а также рассмотрим, на основе архивных материалов, примеры конфликтных ситуаций, в центре которых оказывалась женщина. Новизна данной статьи заключается во введении в научный оборот ранее не известных источников, а также в постановке проблемы, в настоящий момент мало изученной.

Внимание к правовому положению женщины обозначилось еще в 20-х гг. XIX в., заключааясь, главным образом, в анализе писаного права женщин допетровской Руси [30, с. 14]. Авторы многочисленных публикаций второй половины XIX в. придерживались двух крайних позиций относительно правового положения женщины. Н. Соколовский, А. А. Савельев, А. Я. Ефименко, А. Я. Лудмер являлись сторонниками полного бесправия женщин как в современной им России, так и в допетровскую эпоху [7; 17; 32; 35]. А. П. Щапов, И. Н. Харламов и другие приверженцы либерально-народнической теории признавали равенство мужчин и женщин в крестьянской семье, выдвигая на первый план не половую принадлежность, а вклад в хозяйственную жизнь семьи. Община, как они полагали, проводила принцип равноправия во всех сферах жизни по той причине, что женщина была активной участницей трудового процесса [38, с. 83-84]. Несмотря на различные точки зрения, юристы XIX в. признавали сравнительно высокий имущественный статус русских женщин, сопоставляя их положение с местом и ролью женщины в соответствии с нормами западноевропейского законодательства [11, с. 86].

В советское время правовое положение крестьянки рассматривалось сквозь призму заданных классиками марксизма положений о приниженности и угнетенности женщины. Однако работы Н. А. Миненко и И. И. Милоголовой показали ее стабильное имущественное положение в семье [30, с. 37-38]. Правовой статус крестьянской женщины продолжает находиться в исследовательском фокусе [6; 18; 24; 31], в том числе и на региональном уровне [26; 36; 37].

Начало изучения норм обычного права в карельской деревне было положено статьями А. Я. Колясникова и А. Я. Ефименко. Если первый автор изучал правовые обычаи олонецких карел, то А. Ефименко объектом исследования избрала карел Архангельской губернии [8; 14]. Некоторые сведения по этой теме содержатся также в статьях других авторов [16; 20; 25; 27] и в публицистических очерках конца XIX – начала XX в. [15; 27; 41]. Из последних работ, посвященных соотношению традиции и закона в повседневной жизни карельского крестьянства, следует назвать сборник «Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиции и закон в жизни карел» [3].

Источниковую базу нашего исследования составляет законодательство Российской империи, нормы обычного права, делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах земских начальников, волостных правлений, земских уездных судов и хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Большая часть использованных в статье материалов была почерпнута из фондов земских начальников Петрозаводского уезда, что объясняется лучшей наполненностью данных фондов.

Система личных прав в дореволюционной России рассматривалась сквозь призму двух концепций: естественно-правовой, в основе которой лежит идея естественного происхождения личных прав и свобод, и позитивистской, обосновывающей производный от государства характер рассматриваемых прав [1, с. 8]. Право на жизнь, свободу, честь и достоинство, на личную неприкосновенность, составлявшие базовые права личности, признавались равными для мужчин и женщин. Заключение брака возлагало на пару обязанность совместного проживания [33, ст. 103]. Личные отношения между супругами определялись, с одной стороны, обязанностью мужа «любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи», а с другой стороны, обязательством жены «повиноваться мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» [Там же, ст. 106-107]. По сведениям большинства этнографов и бытописателей XIX – начала XX вв., семейный уклад карелов отличался уважительными отношениями между членами семьи, добропорядочностью и высокой степенью нравственности: «Грубое, деспотичное отношение мужа к жене – явление крайне редкое. Привязанность, ласковое и приветливое отношение – вот качества, господствующие в отношениях мужа к своей жене... А потому браки у карелов отличаются вообще прочностью, устойчивостью, нося на себе печать мира и взаимности» [10, с. 665]. Уважительное отношение к жене, как к хозяйке, на которой держится дом, нашло отражение в карельском фольклоре: «Жена для дома не только замок, но и волчица» («Akas on koile lukku, da akas on koile i hukku»); «Жена умрет – как нож из ножен выпадет» («Akka kuolov,ku veičči huodraspakku»); «Жизнь без жены, что изба без печи» («Akatoi elos da räčitöi pertti») [12, с. 110]. Однако действительность вносила свои коррективы в повседневную жизнь крестьян. Под влиянием социально-экономических преобразований второй половины XIX в. изменялась форма семьи (происходил переход от неразделенной к нуклеарной семье), возрастал культурный уровень сельского населения, благодаря росту экономических связей города с деревней и усилиям земства в области образования. В пореформенное время увеличилось количество женщин, занятых отходничеством. Крестьянки Олонецкой губернии отправлялись в основном в Санкт-Петербург и Петрозаводск, где находили работу нянек, сиделок, кухарок, прачек, портних, рабочих, а также «капорок», занимаясь огородничеством в пригородах столицы [9, с. 37]. Однако право на свободное передвижение женщин было ограничено. Согласно Своду законов, отлучаясь за пределы волости, крестьянка должна была получить разрешение супруга или старшего члена семьи [34, ст. 12]. С либерализацией политического курса во второй половине XIX в., с расширением рынка труда и другими общественными трансформациями данное постановление представлялось устаревшим для части дореволюционных правоведов. Юрист конца XIX в. Г. Ф. Шершеневич отмечал, что постановление о невозможности получения паспорта без разрешения мужа являлось «чрезвычайно стеснительным особенно в низшем классе, лишая женщину возможности самостоятельного заработка» [40, с. 641]. И. А. Покровский считал отказ мужа в выдаче жене паспорта одним из способов давления на нее [29, с. 147]. Подробное изучение истории создания и развития паспортной системы в Российской империи было предпринято в монографии В. Г. Чернухи, центральным сюжетом которой были государственные мотивы введения института внутреннего паспорта и его контрольные функции [39]. Гендерный аспект данной темы затрагивался в фундаментальном труде по социальной истории России Б. Н. Миронова, обратившего внимание на то, что с конца XIX в. обращения крестьянок с прошениями о получении паспорта стали массовыми и составляли около 4 тыс. в год за 1895-1902 гг. [19, с. 245]. Тенденция роста числа таких прошений прослеживается и в Олонецкой губернии. Представление точных данных о числе отходниц по всем трем «карельским» уездам – Петрозаводскому, Олонецкому и Повенецкому – осложняется тем, что фонды земских органов последних двух уездов отличаются небольшими объемами и малой информативностью по интересующей нас тематике. Статистический комитет фиксировал общее количество отходников, без разделения по полу. И все же составить примерный «портрет» крестьянки, отправляющейся на заработки, можно. По данным Кондопожской волости Петрозаводского уезда за 1898 г. число выданных женщинам паспортов составило 19% (36 паспортов), из них почти половина – незамужним женщинам (44%), 28% составили вдовы (10 человек) и только 11% (4) замужние женщины [20, ед. хр. 47/22, л. 1-238]. Наши подсчеты согласуются со сведениями Е. П. Карновича, который писал, что по численности среди женщин-работниц Петербурга преобладают девицы и вдовы [13, с. 19]. Если первые отправлялись на заработки с целью заработать на приданое, то для последних это была вынужденная мера, поскольку не всегда община, в обязанности которой входило, в частности, содержание одиноких престарелых и неимущих членов, имела

возможность и желание обеспечить им достойное существование [2, с. 124]. Незамужние девушки получали разрешение на отлучки от родителей или старших братьев [21, ед. хр. 27/15], вдовы, не имевшие детей и родственников, – от сельского старосты [20, ед. хр. 47/22; 21, ед. хр. 27/15]. Каковы же были причины, побуждавшие замужних крестьянок покидать дом и отправляться на заработки, да еще против воли супруга?

Прежде всего, экономическое неблагополучие семьи. Так, в ноябре 1896 г. к земскому начальнику лично обратилась крестьянка Сямозерской волости Лукерья Чиккулаева, со слов которой оказалось, что она уже несколько лет не жила с мужем. Последний занимался бродяжничеством. Хотя волостной старшина отказал просительнице в выдаче паспорта, земский начальник обязал его выдать паспорт крестьянке [22, ед. хр. 8/405, л. 2]. С такой же просьбой к земскому начальнику обратилась 24-летняя крестьянка дер. Верхние ламбы Спасопреображенской волости Василиста Геппоева. С ее слов, 56-летний Петр Геппоев сосватал ее, обещав «хороший дом, лошадь и другой скот, а равно и хорошее хозяйство». Однако по прибытии в дом супруга, оказалось, что у него нет «ни дома, ни лошади, ни коровы» [Там же, ед. хр. 8/385, л. 3 – 3 об.].

Иногда причиной хозяйственного разорения являлось пьянство мужа и случаи рукоприкладства. Подобных жалоб нам встретилось немного, что совпадает с устоявшимся в историографии мнением о низком уровне потребления спиртного карелами и уважительным отношением между членами семьи. Если же подобные ходатайства поступали, то большинство из них свидетельствует о том, что обращение в земские органы на физическое насилие было крайней мерой. Так, например, крестьянка с. Святозера Екатерина Кошина обратилась к земскому начальнику с просьбой выдать ей отдельный от мужа вид на жительство, так как муж, Николай, постоянно «тиранит» ее и детей, что он, «бросив крестьянство, пропил лошадь, корову и решительно все необходимое для хозяйства». После разорения Николай Кошин стал требовать от жены денег и избивать ее: «Так, например, я от побоев убежала к соседке Татьяне Евсеевой, и он, найдя меня, так избил до того, что после сего был выкидыш... Наконец, вернувшись домой, опять я была так избита мужем, что пролежала в Петрозаводской больнице три недели» [Там же, ед. хр. 28/1245, л. 2]. Согласившись на уплату налогов за мужа, крестьянка просила выдать ей отдельный паспорт на жительство для обеспечения детей – сына и двух дочерей. Постановлением земского начальника Екатерине Кошиной был выдан годовой паспорт [Там же, л. 7].

Получив возможность начать новую жизнь, крестьянки нередко предпочитали город родной деревне, в связи с чем мы можем встретить ряд прошений о продлении срока паспорта. Так поступила Анна Омелькина из дер. Мунозеро Спасопреображенской волости, проживавшая в Петрозаводске в 1902 г., объясняя свою просьбу земскому начальнику следующим образом: «Вернуться в деревню к мужу со свекровью не желала бы, так как муж мой не имеет ни дому, ни хозяйства, ни средств к прокормлению меня; образ жизни ведет непостоянный, при деньгах азартный охотник до карт и выпивает...» [Там же, ед. хр. 20/898, л. 1-2].

В абсолютном большинстве случаев крестьянки были вынуждены обращаться за помощью в составлении прошений к грамотным мужчинам (крестьянам, учителям или представителям земства) или мальчикам-школьникам, о чем свидетельствуют подписи жителей деревни. Последние могли «редактировать» заявления, давать собственные формулировки, расставлять необходимые акценты. Встречались и исключения, когда крестьянка направляла ходатайство за своей подписью. Одним из таких примеров является прошение Татьяны Вакиной с. Лижма, заявление которой отличается образный литературный стиль и прекрасное знание русского языка: «В 1900 году, т. е. около десяти лет назад, я вступила в законный брак с крестьянином Федором Вакиным, имея полную неопытность к житейским невзгодам... в силу юности и малоразвитости... Жизнь моя стала разбита с первых же дней моего супружества, так как муж мой оказался последовательно не только жалким алкоголиком, тунеядцем и шантажистом-вымогателем, но и человеком-зверем» [23, ед. хр. 36/1777, л. 1].

Разбор прошений, поданных крестьянками на получение паспорта, продолжался от полугода до года, в зависимости от сложности дела. Процедура выдачи документа без согласия супруга проходила по стандартной схеме: после рассмотрения прошения производился допрос мужа, родственников и соседей волостным старшиной, после чего вручались повестки просительнице и ее мужу в местный уездный суд или Петрозаводский окружной суд. На основании решения суда, земский начальник выносил окончательное постановление. Только после издания закона 12 марта 1914 г. «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин и о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об отношениях супругов между собою и к детям», процедура выдачи паспортов упростилась. В ряду причин, подтолкнувших Сенат к таким мерам, называлось тяжелое положение, в которое были поставлены женщины в связи с ограничениями на свободу передвижения. Кроме того, это был своего рода компромисс для консервативной России, позволявший отказаться от введения института раздельного проживания супругов, заменив его на устранение для замужних женщин «паспортных стеснений» [5, с. 154]. Циркуляр МВД о новом порядке выдачи паспортов был получен олонецким губернатором 16 мая 1914 г. Он содержал указания губернатору и земским начальникам: «Выдача видов на жительство... должна быть незамедлительной, т. е. личные просьбы в день заявления, письменные – с первого после получения заявления отходящей почтой... Замужние крестьянки, независимо от возраста их, получают отдельные виды на жительство без истребования согласия их мужей, совершенно свободно соответственно тем же правилам, что устанавливаются для лиц мужского пола [22, ед. хр. 10/488, л. 1 об.].

Рассмотренные нами документы свидетельствуют о том, что процесс «эмансипации» крестьянских женщин, получивший развитие в конце XIX в. на территории Российской империи, был закономерным следствием социально-экономических изменений в стране, а также результатом влияния либеральных идей на мировоззрение просвещенных современников. Численный рост ходатайств карельских крестьянок о получении паспорта согласуется с общероссийской тенденцией: в качестве основной причины ухода на заработки

женщины называли экономический упадок семьи. Пока остается без ответа вопрос о том, насколько влияли на оценку женщинами благополучия собственной семьи растущие потребительские запросы населения. Проанализировав ряд документов, в том числе и с просьбами о продлении срока действия паспорта, мы можем говорить о постепенном росте культурного и образовательного уровня крестьянок, переехавших в город. Нельзя забывать и о негативной стороне отходничества: тяжелом физическом труде, недостаточном питании, болезнях, отсутствии денег, что нередко толкало молодых девушек и женщин на путь проституции, что является предметом отдельного рассмотрения. И все же город влек крестьянок, поскольку ассоциировался с материальным достатком, широким рынком труда и отличным от деревни образом жизни. На наш взгляд, решение покинуть семью в поисках заработка давалось крестьянке нелегко, особенно при наличии детей.

В целом многочисленные ходатайства о получении паспорта без согласия супруга постепенно привели к либерализации законодательства и отказу от ограничения для замужних женщин на свободу передвижения. Однако это не был односторонний процесс, инициировавший снизу. «Освобождение» женщины было выгодно также и государству, поскольку позволяло заполнять вакантные места дешевой рабочей силой (наравне с трудом подростков), особенно на фоне происшедших революционных событий и войн, забравших жизни трудоспособного мужского населения.

Список литературы

1. Антипова Г. В. Система личных прав человека: конституционно-правовой аспект: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2002. 23 с.
2. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 278 с.
3. Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиции и закон в жизни карел: материалы международного семинара историков, посвященного 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 251 с.
4. Георгиевский М. Этнографические заметки. Святозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 17. С. 154-157; № 18. С. 163-166.
5. Гессен И. В. Раздельное жительство супругов: закон 12 марта 1914 г. о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. СПб.: Издание юридического книжного склада «Право», 1914. 176 с.
6. Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
7. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. Обычное право. 382 с.
8. Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. VIII. С. 1-233.
9. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
10. Камкин Н. Архангельские карелы: этнографический очерк // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 4. С. 651-673.
11. Канторович Я. Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб.: Издание Я. Канторовича, 1895. 317 с.
12. Карельские пословицы и поговорки / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1969. 311 с.
13. Карнович Е. П. О развитии женского труда. СПб.: Типография Б. Бехобразова и комп., 1865. 116 с.
14. Колясников А. Я. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде [Электронный ресурс] // ОГВ. 1877. № 6. С. 55. URL: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3267&page=5> (дата обращения: 15.12.2009).
15. Круковский М. А. Олонецкий край: путевые очерки. СПб.: Издание «Петербургского учебного магазина», 1904. 260 с.
16. Ладвинский Ф. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе, Повенечий уезд Олонецкой губернии [Электронный ресурс] // Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. № 5. Л. 20 – 20 об. URL: <http://litkarta.karelia.ru> (дата обращения: 26.01.2011).
17. Лудмер А. Бабы дела на мировом суде // Юридический вестник. 1885. № 11. С. 522-531.
18. Милоголова И. Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861-1900 // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 1. С. 22-31.
19. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
20. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 151. Оп. 1.
21. Там же. Ф. 107. Оп. 1.
22. Там же. Ф. 53. Оп. 3.
23. Там же. Ф. 55. Оп. 2.
24. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр прессы», 2006. 272 с.
25. Никольский В. Обычаи, приметы и причитания карельской свадьбы (из записок и дневников) // Олонецкая неделя. 1916. № 30. С. 9-13.
26. Нуждина А. А. Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 25 с.
27. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс: Финское литературное общество, 1917. 172 с.
28. П. М. Из быта и верований карел Олонецкой губернии // ОГВ. 1892. № 95. С. 972-974; № 96. С. 982-983; № 97. С. 996-998; № 98. С. 1009-1010; № 99. С. 1018-1020; № 100. С. 1030-1032.
29. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб.: Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1917. 328 с.
30. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
31. Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин в XVIII – начале XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 188-203.

32. Савельев А. А. Личные и имущественные отношения между супругами // Юридический вестник. 1878. № 12.
 33. Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X. Свод законов гражданских.
 34. Там же. СПб., 1903. Т. XIV. Устав о паспортах.
 35. Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57-83.
 36. Сушкова Ю. Н. Мордовские обычно-правовые традиции и разрешения семейных споров между мужем и женой // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы III Междунар. науч. конф. Череповец - М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 205-212.
 37. Фадеева Е. В. Женщина в традиционном обществе и семье коренных народов Нижнего Амура (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 22 с.
 38. Харламов И. Женщина в русской семье (опыт по обычному праву) // Русское богатство. 1880. Март. С. 59-107.
 39. Чернуха В. Г. Паспорт в России, 1719-1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 293 с.
 40. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1911. 851 с.
 41. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: Kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään. Helsinki: Tietosanakirja OY, 1911. 403 s.

PEASANT WOMEN'S RIGHTS TO FREEDOM OF MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES (BY THE MATERIALS OF OLONETS PROVINCE)

Yuliya Valer'evna Litvin

Sector of Ethnology

Institute of Language, Literature and History

Karelian Scientific Center

Russian Academy of Sciences

litvinjulia@yandex.ru

The author analyzes the marital status of a Karelian peasant woman of Olonets province of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries on the basis of legislative acts, traditional law norms, pre-revolutionary newspaper and journal publications and also paperwork materials from the funds of the National Archive of Karelia Republic and pays special attention to the realization of a woman's right to freedom of movement and also the conflicts connected with it which progressed in the atmosphere of social transformations of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries.

Key words and phrases: Karelia history of the XIXth – the beginning of the XXth centuries; women's history; peasant women's personal rights; traditional law; interpersonal conflicts.

УДК 791.9

В статье анализируется фольклор одной из современных урбанистических субкультур. Рассматриваются его особенности, связанные с игровым началом в субкультуре, творчеством вторичных миров, переосмыслением первичных (этнических) фольклорных форм.

Ключевые слова и фразы: артефакты субкультуры; анекдот; байка (быличка); пословица; поговорка; фольклор; сетевой способ бытования фольклора.

Анна Юрьевна Лосинская

Кафедра культурологии

Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий

annal_72@mail.ru

ФОРМЫ ФОЛЬКЛОРА В РОЛЕВОЙ СУБКУЛЬТУРЕ: ИРОНИЧЕСКОЕ И ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ©

В современной культуре приобретает все возрастающее значение проблема гетерологии культуры. По некоторым оценкам, гетерогенизация общества и культуры становится доминантой современности и одной из основных научных проблем [4, с. 1]. Все больше локальных коллективных субъектов образуют субкультуры внутри базовой, со своей собственной системой норм и ценностей, выраженных в артефактах и символах [5, с. 302]. К артефактам субкультур в данном контексте следует относить не только костюм и аксессуары внешнего вида, или предметы, связанные с предметной деятельностью в субкультуре (мототехнику байкеров, оружие реконструкторов и ролевиков, профессиональные инструменты и т.д.). Артефактами субкультуры являются также результаты художественного творчества ее носителей и субкультурный фольклор, бытующий как в привычном устном варианте, так и специфичным для города сетевым способом [7, с. 5]. В настоящей статье мы рассмотрим специфику ролевого фольклора в сравнении с общегородским фольклором, молодежным фольклором и крестьянским этническим фольклором как первичной его формой.

Понятие фольклора обычно соотносят с традиционной крестьянской культурой, которая синкретически объединяет духовную и материальную, а в узком смысле – с крестьянской словесной художественной традицией [8], однако сегодня это понятие несравнимо шире. Это совокупность структур, интегрированных